

ЭСТЕТИКА И ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

УДК 316.334.52(571.1/5)

Е. В. Головнева

СИБИРСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК КОНСТРУКТ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ*

В статье обосновывается необходимость методологического рассмотрения сибирской региональной идентичности в качестве конструкта. Показано, что, несмотря на современную политизацию сибирской идентичности, отмечаемое этносоциологами активное использование сибиряками маркера «сибирскости» при определении своей региональной принадлежности, сибирская идентичность до сих пор не получила содержательной характеристики в научной литературе. Опираясь на теоретический опыт анализа региональной идентичности в современных зарубежных исследованиях, автор формулирует возможные ориентации исследования сибирской идентичности, вытекающие из конструктивизма, показывается эвристичность применения конструктивистского подхода к изучению сибирской идентичности.

К л ю ч е в ы е с л о в а: региональная идентификация, сибирская региональная идентичность, конструирование, конструкт, сибиряки, Сибирь.

Одной из самых актуальных задач изучения сибирской идентичности в настоящее время является поиск методов ее анализа и формулирование методологического подхода, способного объяснить, каким образом формируются и осуществляются процессы идентификации среди сибиряков.

Для решения этого вопроса в рамках статьи предлагается, во-первых, рассмотреть опыт современного анализа сибирской идентичности; во-вторых, показать ограниченность его применения; в-третьих, сформулировать ключевые положения к рассмотрению сибирской идентичности с конструктивистских позиций.

Отметим, что конструктивизм в данной работе понимается в смысле теории (социальный конструктивизм) и одновременно научно-исследовательской программы, способной, с одной стороны, предложить достаточно разработанный спектр способов изучения объекта, с другой — позволяющей осуществить экстраполяцию изначально определенных методологических принципов на новые

* Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ, проект 16-33-01038.

проблемы. Актуальность рассмотрения сибирской идентичности в аспекте социального конструктивизма обусловлена, на наш взгляд, тем, что хотя к настоящему времени накоплен определенный теоретический опыт ее анализа [1, 8, 9, 12, 19], изучение сибирской идентичности в рамках методологии конструктивизма в отечественных философских исследованиях не проводилось.

Сибирская идентичность как социокультурная проблема: взгляд этносоциологов

В современном социокультурном пространстве России сибирская идентичность является если и не самой выраженной и активно растущей среди форм региональных идентичностей, то во всяком случае относится к числу лидирующих. Дискуссия о ней была инициирована тем, что накануне Всероссийской переписи населения-2010 в Интернете стартовала акция «Мы — сибиряки», призывавшая жителей Сибири в поле «национальность» указывать — «сибиряк» [7], а часть сибирской властной элиты предприняла серьезные попытки создать политические объединения в Новосибирске, Томске, на Алтае. Активизировались идеологи «сибирской нации», согласно которым сибиряки существовали всегда, не являясь субэтносом русского народа, и «отличались от русских и говором, и хозяйством, и бытовыми привычками, и мировоззрением, и даже внешним видом» [Там же]. Высказывалась даже идея о существовании особого сибирского языка, пока существующего в форме письменного литературного языка, составленного Ярославом Золотаревым на основе традиционных сибирских говоров, но постепенно оформляющегося в «живой язык». Так, журнал «Эсквайр» (2011. № 71) опубликовал «Пятиминутный путеводитель по сибирскому сепаратизму» с кратким словариком сибирского языка, флагом и картой, на которой изображено, чего лишится страна, если потеряет территории за Уралом.

Присутствие подобных идей в политическом пространстве само по себе говорит о включении сибирской идентичности в сферу политического дискурса. На уровне обыденного сознания продолжают широко воспроизводиться авто- и гетеростереотипы о Сибири и сибиряках (как, например, в суждениях «*В Сибири всегда холодно*», «*Там медведи по улицам ходят*»). В художественной литературе выявляются характерологические особенности (черты менталитета, поведенческие реакции, общие жизненные стратегии и ориентации, языковые практики), типичные для жителей Сибирского региона. В научном дискурсе сибирская идентичность рассматривается с разных позиций (как индивидуальная идентичность, новый вид социальной солидарности, способ политического высказывания), однако большинство исследований на эту тему ограничивается все же простой констатацией наличия сибирской идентичности и ее постоянного роста.

Так, по данным этносоциологических исследований, статус сибирской территориальной идентичности оказывается довольно высоким в идентификационной матрице современных сибиряков. По сравнению с национальной, конфессиональной или социальной идентичностью именно сибирская региональная идентичность осознается респондентами наиболее четкой и зачастую — более значимой.

К примеру, данные опроса Н. В. Сверкуновой, проведенного в Иркутской области, показали, что 61,8 % респондентов отдали предпочтение стереотипу «сибиряк», 18,1 % — стереотипу «современный человек», представляемому средствами массовой информации, а 19,8 % — затруднились с ответом [19]. По сообщению омского этнографа М. А. Жигуновой, если в 1986–1988 гг. в Сибири сибиряками называли себя 15 % респондентов, в 2000 г. — 32 %, то в настоящее время — около 80 % [10–12]. Отмечается положительная динамика сибирского регионального самосознания, несмотря на размытость самого понятия «сибиряки», фиксируются устойчивые стереотипные отличия русских Сибири от русских Европейской России.

В результате этносоциологических исследований сибирской идентичности были намечены и основные ее индикаторы. Так, новосибирские исследователи А. А. Анисимова и О. Г. Ечевская пришли к выводу, что идентичность сибиряка в настоящее время включает в себя четыре важные составляющие: территориальный признак (место рождения или проживания), социокультурный фон (повседневная среда), биографический след (создание семьи и становление карьеры) и политический аспект (средство мобилизации активной части населения) [1, 15]. В большинстве проведенных ими интервью территориальное измерение сибирской идентичности упоминается как самое значимое; сибирская идентичность у представителей полиэтничных семей носит включающий характер, заменяя национальную идентичность [Там же, 25].

Томские социологи на основе данных опросов в девяти сибирских регионах показали, что базовыми основаниями самоидентификации современных сибиряков являются семья и включенность человека в дружеские и товарищеские отношения, в то время как профессиональный статус, этническая и религиозная принадлежность жителей Сибири выражены в гораздо меньшей степени [8]. Эти выводы в целом согласуются с результатами исследований М. А. Жигуновой, согласно которым «сибирское самоопределение» для многих является решением проблемы самоидентификации в условиях смешанного происхождения; территориальное измерение в составе сибирской идентичности начинает доминировать над этническим, поселенческим и конфессиональным [10, 74]. «Сибирскость» оказывается важной характеристикой, дополняющей национальную идентичность, поэтому опрошенные исследователями информанты считают себя «русскими сибиряками», «сибирскими немцами», «сибирскими украинцами», «сибирскими татарами» и т. д.

Тем не менее, изучая региональную идентичность сибиряков и справедливо рассматривая территориальную самоидентификацию жителей Сибири как ее центральный фактор [1, 74; 9, 42], сибирскую идентичность, как на обыденном, так и на специализированном (научном) уровне, часто сводят лишь к абстрактному ощущению «я — сибиряк». Выделяемые этносоциологами аспекты сибирской идентичности являются эмпирическим обобщением, однако любой эмпирический опыт ограничен и конкретные суждения о том, что есть «сибирскость», можно оспорить на уровне контрпримеров.

До сих пор вопрос о содержательном наполнении «сибирскости», выделении ее структурных компонентов не получил должного освещения в научной литературе;

разнится и оценка смысловой нагруженности этого понятия. Концепты «Сибирь» и «сибирскость», по словам Д. Н. Замятина, остаются «коллективным бессознательным» России. Научные представления о сибирской идентичности дисгармоничны, неустойчивы, непрочны, неавтономны, в научных исследованиях «метагеография Сибири еще не явлена как целостное развернутое дискурсивное поле поддерживающего само себя воображения» [13, 7].

Положение осложняется также тем, что сибирская идентичность сегодня может проявляться на почве различных элементов общественного самосознания — этнических, религиозных, культурных и социальных. Так, некоторые субрегионы Сибири захватил процесс формирования транснациональных идентичностей на этнической или религиозной основе (что, например, выражается в появлении концепта «Большой Алтай»). Нередко эти разные формы проявления сибирской идентичности вступают в конфликт, ослабляя в целом общесибирскую рефлексию идентичности. Сказывается и неоднородность сибирского сообщества, которое американка Шарон Хадгинс в своей книге «Другая сторона России» сравнивает с водной емкостью, в которой есть застоявшаяся, неподвижная вода и есть разнонаправленные течения. Самый значительный процент современного населения сибиряков, по ее мнению, это люди среднего возраста, выходцы из «бывшего советского среднего класса», возлагающие надежды на развитие Новой России, но имеющие слабое представление о том, какие именно шаги нужно для этого предпринимать [20, 86]. Иркутский философ М. Я. Рожанский также полагает, что основную трудность в решении проблемы сибирской идентичности сегодня составляет отсутствие развития активной рефлексивной деятельности о Сибири и сибиряках [25, 12].

Сибирская идентичность в контексте методологии конструктивизма

Ограниченность эмпирических исследований сибирской идентичности, основанных на констатации стихийных установок на уровне обыденного сознания респондентов, требует нахождения эффективного методологического инструмента для ее изучения, и в этом плане, на наш взгляд, перспективными оказываются идеи социального конструктивизма, рассматривающего региональную идентичность как конструкт [4]. В таком понимании региональная идентичность анализируется прежде всего в работах зарубежных авторов — А. Пааси [23, 24], А. Мерфи [22], И. Нойманна [17], М. Китинга [14], составивших концептуальную основу данного исследования.

Концепт «конструкт» определяется как способ истолкования мира, своеобразные классификационно-оценочные схемы, посредством которых субъект познает мир. Теория социального конструктивизма, по П. Бергеру и Т. Лукману, различные конструкты мира связывает в первую очередь с внутригрупповым согласием в различных сообществах по поводу того, что считать существующим и значимым, тем самым подчеркивая социальную природу производства знания о мире. Эта система знаний передается следующему поколению. Оно воспринимает ее как объективную истину в ходе социализации, интернализируя, таким

образом, в качестве субъективной реальности [4, 47]. Именно благодаря такому знанию субъект ощущает себя членом какой-то социальной группы и играет соответствующие социальные роли. Теория социального конструирования придерживается, таким образом, идеи о том, что классификация объектов окружающего мира возникает в процессе социальных взаимодействий, разного рода коммуникациях и носит культурно-исторический характер.

Конструктивизм можно рассматривать также как метод, как аналитическую программу [15], применяемую за рамками технического знания, по отношению к социогуманитарным исследованиям, в том числе к изучению региональной идентичности. В таком аспекте конструктивизм оказывается направленным на выявление дискурсов, связанных с созданием и поддержанием региональной идентичности. Понятие «дискурс» прочно связано с теорией социального конструктивизма. Под дискурсом понимается способ видения мира, выражаемый в самых разнообразных практиках, который не только отражает мир, но и творит, создает его [16]. Именно как система дискурсов рассматривается региональная идентичность в работах финского исследователя А. Пааси, который специально отмечает, что не региональная идентичность формирует дискурсы, напротив, она существует и возникает в силу действия определенных социальных практик и дискурсов [23, 5].

В конструктивистском подходе любая форма коллективной идентичности мыслится как субъективный и изменчивый феномен, как результат договоренности между всеми действующими лицами, участвующими в процессе выстраивания системы социальных связей. На первый план при характеристике идентичности выходит интерпретация своеобразия группы, которая лежит в основе конструирования сообщества. Этот подход акцентирует внимание на том, что идентичность может выбираться субъектом, она может быть сконструирована и ею можно манипулировать [22–24]. Сторонники «умеренного» конструктивизма признают, что хотя идентичность конструируется субъектом, тем не менее в ней отражаются конкретные реалии, маркеры формирования идентичности.

В конструктивистской трактовке идентичности рассматриваются не как предписываемые, а как достигаемые, приобретаемые феномены. Они представляют собой процессы, которые постоянно воспроизводятся, а не существуют как данные. Ч. Тилли отмечает, что «идентичности всегда нуждаются в подтверждении, всегда зависят от обстоятельств, всегда представляют собой результат переговоров (*negotiable*)» [5, 11]. Соответственно их содержание составляют изменчивые идентификации, которые образуют систему конструктов, специфическую у каждого конкретного субъекта. В терминах Э. Баумана, идентификация в реалиях глобализирующегося мира никогда не заканчивается, всегда не завершена, не окончена, «открыта в будущее деятельности, в которую все мы по необходимости либо сознательно вовлечены» [3, 192].

Представляется, что конструктивизм как исследовательская программа может оказаться полезным для разработки теоретического инструментария философского исследования как региональной идентичности в целом, так и ее конкретного воплощения. Приведем аргументы, обосновывающие необходимость применения

конструктивистской научно-исследовательской программы к изучению сибирской идентичности.

Прежде всего, конструктивистское понимание сибирской региональной идентичности представляется оправданным, поскольку в современной культуре региональная идентичность в целом, сибирская в частности, является результатом множества направленных и ненаправленных процессов социокультурной обработки¹. При таком подходе ряд идей и образов в составе сибирской идентичности создается не отражением объекта, а внешними, воздействующими на его восприятие факторами. Возникая первоначально естественным образом как территориальное понятие, в дальнейшем региональная идентичность обретает новые формы выражения, конструируемые местными элитами, которые опираются и на устоявшуюся мифологическую, и на развивающуюся историческую традицию. В этой связи в центре внимания оказываются акторы конструирования сибирской идентичности и те процедуры, с помощью которых трансформируется исходный образ Сибири и сибиряков.

При осмыслении процесса конструирования сибирской идентичности в известной мере могут быть полезны выделенные финским ученым А. Пааси фазы институализации регионов (от территориального осознания региона его жителями, через его символическое оформление к возникновению региональных институтов и утверждению его образа в массовом сознании) [23], а также взгляды Я. Кусбера и К. Вайс об агентах пространственного конструирования Сибири. Я. Кусбер, в частности, отмечает, что агентами конструирования «сибирскости» в первую очередь являлись представители элит имперского центра и уже после — собственно сибирское население и иностранные путешественники [22, 74]. Согласно К. Вайс носителями формирующегося образа Сибири, с одной стороны, была элита российского общества, с другой — путешественники и ученые, которые возвращались в Россию после экспедиций [6, 74]. Представляется, что ключевую роль в формировании сибирской идентичности сыграли именно интеллектуалы, которые вычленили культурную группу сибиряков из социального пространства, описали ее научным языком, наделили сильными эмоциональными характеристиками, сконструировали ее историческое прошлое. При таком подходе упор делается не на сам «сибирский народ», а на его «создателей», которые «воображают», изобретают идентичность, придают ей культурное и политическое значение.

В современном конструировании региональной идентичности также оказывается значимым вопрос о том, каким хотят видеть Сибирь различные мировоззренческие и властные «мы-группы». От определения уникальности региона зависит, насколько политические элиты могут овладеть «символическим капиталом», который позволяет им не только пользоваться нужными словами при составлении инвестиционных заявок, но и помогает объединять или разделять общности на «продвинутых» и «аутсайдеров». Как отмечает Й. Баберовски, «территория «национализируется» с помощью истории, которую «открывают» интеллектуалы.

¹ Характерно в этом смысле появление проекта «Сибирь-2030» (www.siberia2030.ru). По представлению создателей проекта, суть его заключается в том, чтобы собрать группу единомышленников, готовых самостоятельно и объединившись конструировать в мире новую сибирскую идентичность.

Сама по себе “территория” — ничто, лишь человеческая вера и страсть придают ей смысл. Никто не станет откликаться на призывы к солидарности, пока они не будут внятно истолкованы» [2, 324].

Специфика сибирской идентичности и образ Сибири определяются историей освоения региона, географическими и природно-климатическими факторами, удаленностью от федерального центра, этническим и конфессиональным составом населения, уровнем социально-экономического развития, влиянием внешнеполитического окружения. В этой связи Сибирский регион может конструироваться исходя из разных параметров: целостность Сибири можно выделять по географическому принципу (именно этот принцип стал ведущим в концепции сибирских областников), тогда единство будет состоять в сходных природно-географических условиях; либо по историко-культурным основаниям, тогда единство Сибири возникает вследствие общих элементов культуры и исторической судьбы региона. Народонаселение Сибири (сибиряки) также может выступать фактором конструирования сибирской территории. Кроме того, на обыденном и научном уровне часто обращаются к экономическому параметру при выделении особенности Сибири, к примеру, характеристики ее как нефтегазодобывающего региона.

Конструктивистский подход предполагает, что сибирская региональная идентичность, являясь конструктом, имеет реальный референт (в данном случае — регион Сибири) и хотя бы частично отражает и воспроизводит его свойства, не являясь, таким образом, фантомом. В этом смысле утверждение о том, что сибирская идентичность представляет собой лишь «*миф* как некое нарративное знание, в рамках которого идеологические и географические характеристики места становятся самостоятельным инструментом самоидентификации» [8, 119], не является корректным. Другое дело, что мифология оказывается значимым фактором формирования сибирской идентичности, и в ее мифы оказываются «органично включены образы Ермака и его экспедиций к сибирским рекам, ссыльных декабристов и их жен, строительство Транссибирской магистрали» [21, 67]. Выявление, наряду с мифологией, иных источников конструирования сибирской идентичности (например, религиозного, художественного, научного дискурсов), как представляется, само по себе предохраняет от упрощения, стереотипизации представлений о сибирской идентичности, оно способствует выявлению ее многомерности и разноплановости.

Сибирская идентичность в этом смысле может рассматриваться как *конструируемая субъектом территориальная идентичность и одновременно как система дискурсов*. При этом сама территория Сибири оказывается «достаточно автономным и бытийно устойчивым образом-опытом пространственности» [13, 27].

Рассмотрение сибирской идентичности как конструкта предполагает также, что она не является неизменной, а постоянно «достаивается» и трансформируется в процессе человеческой деятельности. В настоящее время, к примеру, можно говорить об активном преобразовании «сибирского этноса». Экспертами отмечается, в частности, что из-за снизившегося уровня жизни в Сибири происходит отток коренных сибиряков в Центральную Россию и Европу. Взамен убывших города Сибири активно пополняются гастарбайтерами из Средней Азии

и Китая. Растет число лиц со смешанной этничностью: «русский хохол с еврейскими корнями», «русская полячка казахского происхождения», «русская с немецкой помещью», «русский, но по крови — белорус» и т. п. [10, 74]. Кроме того, в своем современном виде категория «сибиряки» имеет также четко выраженные локальные социокультурные особенности регионализации ментальной воображаемой общности в виде разнообразного мира «сибирскости»: «забайкальцы», «дальневосточники», «северяне» и др. В этой связи можно согласиться с мнением новосибирских социологов А. А. Анисимовой и О. Г. Ечевской о том, что «схемы “автоматического” формирования или усвоения ключевых элементов идентичности не работают для подвижных, переселенческих обществ, поэтому наиболее продуктивным для исследования сибирской региональной идентичности представляется конструктивистский подход» [1, 7].

Согласно конструктивизму сибирская идентичность высвечивает определенные срезы в отражении сибирской региональной культуры, испытывает постоянное идеологическое воздействие акторов конструирования (государства, СМИ, Русского географического общества, политической элиты, религиозных деятелей, сотрудников периодических изданий и т. п.). В таком контексте сибирскую региональную идентичность можно рассматривать также как борьбу различных групп интересов за символическое маркирование территории при помощи топонимов, фигур и мест памяти, юбилейных празднеств, конструирования образов населения края и др.

Следует указать еще на ряд аспектов рассмотрения сибирской идентичности в рамках конструктивизма, которые до некоторой степени меняют представления о ее статусе, но вместе с тем, как представляется, способствуют современному пониманию основ ее функционирования.

Конструктивизм как исследовательская программа предполагает, во-первых, размещение объекта изучения в поле субъектной контекстуальности [15, 22]. Это означает признание в сибирской идентичности значимости субъектной составляющей: региональных образов, идей, представлений об истории формирования Сибири, о возможных вариантах ее будущего развития, миссии и т. п. Данные образы Сибирского региона не даны изначально: они исторически обусловлены, конструируются в процессе жизнедеятельности сибиряков как результат выбора ими референтных групп, их дистанцирования от других региональных сообществ, освоения ими определенных культурных практик (коммуникативных, профессиональных, досуговых и т. п.), степени их подверженности массмедиа. Образы Сибири являются элементами конструирования сибирской идентичности и могут быть полными и неполными, рефлексивными и нерефлексивными, позитивными и негативными, но, взятые вместе, они относительно полно характеризуют сибирскую региональную идентичность.

Конструктивизмом также задается необходимость устанавливать круг факторов, определяющих характер достройки и трансформации изначальной данности, а также их систематизацию и иерархизацию [15, 22]. Для региональной идентичности такими факторами являются институционально-политическое измерение, экономическое значение региона, существующая в его рамках

культурная стандартизация, историческое развитие региона. Как отмечал востоковед Н. Ю. Кюнер, «о Сибири можно мыслить различно» [18]. Аналогичная ситуация складывается и в отношении термина «сибиряки», под которыми могут пониматься как старожильческая этнокультурная общность русских Сибири, так и представители коренных народов, проживающих на данной территории; как «природные сибиряки» (уроженцы Сибири), так и «идеологические сибиряки» (приехавшие в Сибирь и оставшиеся здесь жить по идеологическим соображениям). Взятые вместе или по отдельности, факторы конструирования задают возможные параметры изучения сибирской идентичности, т. е. ее политическую, экономическую, культурную и историческую размерность. Эти факторы, подобно пазлам, могут меняться, но общая картина при этом сохраняется, благодаря уникальной оптике.

Кроме того, конструктивизм в силу своего технического генезиса предполагает анализ структуры изучаемого объекта, логическую определенность результата действия как основы его функционирования [15, 22]. Понятие «конструирование» непротиворечиво соотносится со словосочетанием «придание формы» как внутреннего порядка объекта. В этом контексте вопросы «из каких компонентов складывается сибирская региональная идентичность?» «как происходило ее конструирование?» «кто являлся агентом конструирования сибирской идентичности и какие смыслы были задействованы в этом процессе?» могут получить содержательные ответы.

В целом рассмотрение сибирской идентичности как конструкта представляется эффективной научно-исследовательской программой ее изучения. В ходе реализации этого подхода в анализе сибирской региональной идентичности появляются новые темы и сюжеты, способные раскрыть закономерности процессов идентификации у жителей Сибири, дать содержательную характеристику сибирской идентичности, а также объяснить, на каких уровнях (обыденном, специализированном) возможно ее функционирование.

1. Анисимова А. А., Ечевская О. Г. Сибирская идентичность: предпосылки формирования, контексты актуализации. Новосибирск, 2012.

2. Баберовски Й. Цивилизаторская миссия и национализм в Закавказье: 1828–1914 гг. // *Ab imperio: Новая имперская история постсоветского пространства*. Казань, 2004. С. 307–352.

3. Бауман З. Индивидуализированное общество. М., 2002.

4. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания. М., 1995.

5. Борьба за идентичность и новые институты коммуникаций / под ред. П. В. Панова, К. А. Сулимова, Л. А. Фадеевой. М., 2012.

6. Вайс К. Русское географическое общество и создание образа Сибири в XIX веке // Сибирь: взгляд извне и изнутри. Духовное измерение пространства : сб. / Межрегиональные исследования в общественных науках (Программа), Иркут. межрегион. ин-т обществ. наук ; сост. Н. В. Пономарева ; ред. И. И. Плеханова. Иркутск, 2004. С. 59–74.

7. Волкогонова О. Д., Белоусов С. О. Феномен региональной идентичности как фактор политического процесса в России [Электронный ресурс]. URL: http://infoculture.rsl.ru/donArch/home/news/dek/2010/02/2010-02_r_dek-s7.htm (дата обращения: 29.11.2016).

8. *Дутчак Е. Е., Каптур В. В.* «Русский сибиряк», или Парадоксы региональной идентификации // *Общественные науки и современность.* 2013. № 4. С. 116–129.
9. *Дутчак Е. Е., Львова Э. Л., Нам И. В.* Сибирская региональная идентичность – фактор конфликта или ресурс формирования общероссийской идентичности? // *Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер.: История.* 2012. № 2(3), ч. 1. С. 41–44.
10. *Жигунова М. А.* Идентичность и этнокультурные предпочтения современных русских Сибири (на материалах эмпирических исследований) // *Гуманитар. науки в Сибири.* 2009. № 3. С. 73–78.
11. *Жигунова М. А.* Сибиряк как новая национальность: миф или реальность? // *Родина.* 2011. № 11. С. 11–15.
12. *Жигунова М. А., Ремнев А. В., Суворова Н. Г.* Региональный вариант сибирской идентичности // *Омский науч. вестн.* 2014. № 2(12). С. 48–62.
13. *Замятин Д. Н.* Стрела и шар: введение в метагеографию Зауралья // *Сибирский текст в национальном сюжетном пространстве: коллектив. моногр. / отв. ред. К. В. Анисимов.* Красноярск, 2010. С. 7–27.
14. *Китинг М.* Новый регионализм в Европе // *Логос.* 2003. 6(40). С. 67–116.
15. *Мартышина Н. И.* Конструктивистская исследовательская программа в социально-гуманитарном знании // *Гуманитар. исслед.* 2015. № 2(6). С. 19–22.
16. *Миллер А. И.* О дискурсивной природе национализмов [Электронный ресурс]. URL: <http://www.carnegie.ru/ru/pubs/procontra/55643.htm> (дата обращения: 25.11.2016).
17. *Нойманн И.* Использование Другого: образы Востока в формировании европейской идентичности. М., 2004.
18. *Ремнев А. В.* Географические, административные и ментальные границы Сибири XIX–XX вв. [Электронный ресурс]. URL: http://www.balatsky.ru/home/Geographical_Siberia.pdf (дата обращения: 25.11.2016).
19. *Сверкунова Н. В.* Региональная сибирская идентичность: опыт социологического исследования. СПб., 2002.
20. *Hudgins Sh.* The other side of Russia: a slice of life in Siberia and the Russian Far East: Texas A&M University Press, 2003.
21. *Kusber J.* Mastering the Imperial Space: The case of Siberia theoretical approaches and recent directions of research // *Ab Imperio.* 2008. № 4. P. 52–74.
22. *Murphy A.* Regions as social constructs // *Progress in Human Geography.* 1991. 15. P. 22–35.
23. *Paasi A.* Deconstructing regions: notes on the scales of socio-spatial life // *Environment and Planning,* 23. 1991. P. 239–254.
24. *Paasi A.* Place and region: regional worlds and words // *Progress in Human Geography.* 2002. 28. P. 802–811.
25. *Rozhanskiy M.* The empire`s Siberian knots. [Electronic resource]. URL: <http://www.eurozine.com/articles/2015-04-30-rozhanskiy-en.html> (accessed: 25.11.2016).

Рукопись поступила в редакцию 5 декабря 2016 г.